

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX

ВЕКА:

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

II международная
научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург
пос. Поляны Ленинградской области

1-5 июля 2001 года

Однако критерии, которыми обычно оперируют исследователи, не позволяют разграничить эти явления

В докладе предлагается новый подход к изучению русских поэтических переводов, переложений и подражаний, которые рассматриваются как различные варианты воссоздания автором «чужого» слова

Проведение такого анализа стало возможным только в конце XX века, когда была осмыслена бахтинская концепция «своего»/«чужого» слова

Переложения, подражания и перевод относятся к «вторичным текстам»

Если автор оригинальных произведений ориентируется на действительность, то автор «вторичных» — ориентируется на текст-источник

Соотношение «своего» и «чужого» слова, с одной стороны, является общим качеством и переложений, и подражаний, и перевода, а с другой, — специфично для каждого варианта

Специфика соотношения «своего» и «чужого» слова и позволяет дифференцировать переложения, подражания и перевод как три разных типа «вторичного» текста

С этой точки зрения особый интерес представляет ситуация в русской поэзии последних десятилетий (тексты постмодернизма и пр.)

Алексей Дмитренко

Санкт-Петербург

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ И ВЕРА ЛУРЬЕ

В поэтическом наследии Константина Вагинова имеется всего четыре стихотворения, сопровождаемых посвящениями. Два из них обращены к Вере Иосифовне Лурье (1901-1998), студийке Дома искусств, входившей вместе с Вагиновым в кружки «Звучащая Раковина» и «Островитяне». Речь идет о стихотворениях «Каждый палец мой — умерший город» и «Упала ночь в твои ресницы», которые вошли в неизданную при жизни Вагинова книгу «Петербургские ночи» (1922). Стихотворение «Упала ночь в твои ресницы» 9 октября 1921 года Вагинов записал на авантитуле книги Ахматовой «Четки», сопроводив дарственной надписью «Дорогой Вере Лурье. В память однолетней большой дружбы на книжке Вашей любимой поэтессы». Своих книг у него тогда еще не было. Надпись была сделана, по видимому, в день отъезда Веры Лурье с семьей за границу — в Ригу, а затем в Берлин.

Вряд ли можно говорить о сколько-нибудь существенном влиянии поэтического творчества Лурье на произведения Вагинова. О внимании Вагинова к текстам Лурье свидетельствуют лишь две поправки, сделанные его рукой на автографе стихотворения Лурье «От бессонницы ломит тело» (РГАЛИ Ф 313 Оп 1 Ед хр 98, исправлены в 4 строке «И ступлю на зеленый путь» на «И ступлю на солнечный путь», в 10 строке «Как и дымный город ночной» на «Как и гулкий город ночной»). Но по крайней мере три поэтических текста Лурье — «Чтобы она так громко не звенела», «Эшелон» и «Снег упал мне в душу белый» (все три посвящены Вагинову) — развивают и варьируют некоторые сквозные образы и мо-

тивы произведений Вагинова начала 1920-х годов В этом аспекте наиболее интересно первое из перечисленных стихотворений Лурье В нем использован и своеобразно интерпретирован чрезвычайно характерный для ранних стихотворений Вагинова (в особенности для стихотворений, вошедших в книгу «Путешествие в Хаос») мотив бубенцов, с которым, в свою очередь, сопряжена разнообразная атрибутика «гаерства», шутовства и карточной игры Возможно, непосредственным источником метафоры для Лурье послужили строки «В телах же наших бубенцы, не души» из стихотворения «Умолкнет ли проклятая шарманка? » В стихотворении Лурье присутствует также заимствованный у Вагинова прием отражения предметов внешнего мира в человеческом теле — микрокосмосе, проявленный в данном тексте на уровне мотива «овеществления» души

*Посвящается К Вагинову
Чтобы она так громко не звенела,
Я душу спрятала в большой карман
Остался только след колючих ран
По улицам бредет пустое тело*

*Ты стал бояться потемневших зал,
И не ласкаешь больше мои руки
Ты бьешься, бьешься в непонятной муке
Зачем ты звон души моей украл!*

(впервые Лурье В Стихотворения Berlin, 1987 С 60)

Данное стихотворение Лурье перекликается с некоторыми поэтическими текстами Вагинова, в которых доминируют образы рук и ресниц (например «Каждый палец мой — умерший город », «Спит в ресницах твоих золоченых », «Упала ночь в твои ресницы », «Покрыл, прикрыл и вновь покрыл собою ») Все перечисленные стихотворения входят в третий раздел книги «Петербургские ночи» Два из них посвящены В Лурье Не испытывая соблазна трактовать отношения Вагинова и Веры Лурье по традиционной формуле «поэт и муза», тем не менее укажем, что семантика этих вагиновских текстов в той или иной степени обусловлена реальным адресатом его ранней лирики

«Костя меня очень любил, — вспоминала Лурье, — это можно назвать влюбленностью, поэтому я думаю, что он считал мое мнение важным Он был моим юношеским другом, но я в него влюблена не была < > В моей памяти он был невысокого роста, носил длинную шинель, переделанную из военной, и у него было хорошее лицо < > Мое последнее воспоминание о Вагинове наш двор, мы покидаем Петроград, и Костя стоит на дворе и провожает нас После моего отъезда мы еще переписывались, но я не могу сказать, как долго Во всяком случае, мы перестали переписываться до его брака» (из письма В И Лурье к Р Де Джорджи от 18 июня 1992 года, хранится в архиве адресата (Пиза))